

Благодарность

Я вырос в окружении мужчин, сражавшихся на фронтах Первой мировой войны, и женщин, которые дома ждали от них вестей. На передовой были мой отец и два его брата, а также мой тесть. Все четверо вернулись с войны. Они рассказывали далеко не все, но из фронтовых воспоминаний отца и тестя я узнал, что такое война. Сестра моего отца, так и оставшаяся незамужней, — одна из множества молодых англичанок, женихи которых не вернулись с фронта, — в конце своей жизни тоже рассказала мне кое-что о тревогах того времени. Именно они, а также сотни других людей, прямо или косвенно затронутых трагедией войны, вдохновили меня на написание этой книги.

Она во многом основана на моих личных воспоминаниях, но и литературные источники я изучал очень внимательно. Мне были доступны интересные книги. Эти работы оказались чрезвычайно полезными, и я хочу поблагодарить руководителей и сотрудников библиотек британской Королевской военной академии в Сандхерсте, Военной академии США в Уэст-Пойнте, американского колледжа Вассара, а также газеты The Daily Telegraph. Моя особая благодарность полковнику Роберту Даути, началь-

нику кафедры истории в Уэст-Пойнте, и его заместителю майору Ричарду Фолкнеру — за то, что в 1997 году, когда я читал лекции в колледже Вассара, помогли мне получить разрешение пользоваться великолепной библиотекой Военной академии США. Я благодарен заведующему Лондонской библиотекой и ее персоналу, а также Тони Нойесу, председателю Ассоциации английских ветеранов войны.

Я в огромном долгу перед Энтони Уиттом — моим редактором в издательстве Hutchinson, и Эшбел Грин — редактором в издательстве Knopf, Анной Марией Эрлих — редактором рисунков и составителем карт, Аланом Гиллилендом — редактором графического материала газеты The Daily Telegraph. Особая признательность Энтони Шейлу — моему литературному агенту. Я благодарен Линдси Вуд, которая печатала рукопись, указывала на допущенные ошибки, расшифровывала мои каракули, проверяла ссылки на литературу, устраняла несоответствия и преодолевала всякого рода трудности при издании книги. Линдси снова доказала, что как секретарю ей нет равных.

Хочу отметить терпение Чарльза Мура, редактора газеты The Daily Telegraph, и помощь моих коллег Роберта Фокса, Тима Бутчера, Трейси Дженнингс, Люси Гордон-Кларк и Шарон Мартин. Особую благодарность я испытываю к Конраду Блэку, владельцу The Daily Telegraph.

Благодарю моих друзей в Килмингтоне — Хонор Медлем, Майкла и Несту Грей, Мика Ллойда и Эрика Кумбса. Без них эта книга никогда бы не появилась.

И как всегда — огромная любовь и благодарность моей дорогой жене Сюзанне и нашим детям Люси, Роуз, Томасу и Мэттью, а также зятю Бруксу Ньюмарку.

Мейнор-хаус, Килмингтон

23 июля 1998 года

1

Трагедия
Европы

Первая мировая война — конфликт трагический, но совершенно необязательный. Необязательный он потому, что цепь событий, которые к нему привели, могла быть прервана в любой момент на протяжении пяти недель кризиса, предшествовавшего первым столкновениям на поле боя, — если бы верх взяли благо-разумие и добрая воля. Трагический же это конфликт потому, что последствия первых столкновений повлекли за собой 10 000 000 смертей, страдания многих людей, а также разрушение культуры Европейского континента. Четыре года спустя пушки наконец смолкли, но война оставила в наследство политическую вражду и расовую ненависть такой силы, что без ссылок на них не может обойтись ни одно объяснение причин начала следующей Великой войны. Вторая мировая, забравшая в пять раз больше человеческих жизней (не говоря уж о несравнимом материальном ущербе), была прямым следствием Первой мировой войны. 18 сентября 1922 года Адольф Гитлер, демобилизованный с фронта солдат, поставил перед побежденной Германией цель, которую сам же и реализовал 17 лет спустя: «Нельзя допустить, чтобы

гибель двух миллионов немцев оказалась напрасной. Наша обязанность отомстить за них!»¹

Память об этой мести можно найти по всему разрушенному континенту — в восстановленных центрах немецких городов, которые сровняли с землей летчики антигитлеровской коалиции (налеты стали ответом на агрессию Третьего рейха), а также в Ленинграде, Сталинграде, Варшаве, Роттердаме, Лондоне и других городах, превращенных в руины самими немцами. Остатки фортификационных сооружений Атлантического вала — системы долговременных и полевых укреплений длиной свыше 5000 километров, созданной германской армией после разгрома Франции вдоль европейского побережья Атлантики от Норвегии и Дании до границы с Испанией, построенной в тщетной надежде остановить наступление противника, — тоже служат памятником его жажды мести, как и бараки Аушвица и лагерей смерти в Собиборе, Белжеце и Трешлинке. Детский ботинок в польской пыли, моток ржавой колючей проволоки, измельченные кости поблизости от того места, где располагались газовые камеры, — все это наследие не только Второй мировой войны, но и Первой². У них есть предшественники — та же самая колючая проволока на французских полях, некогда изрытых траншеями и сырым утром наполняющих воздух запахом ржавчины, полусгнившие обрывки кожаной амуниции, которые туристы изредка находят под живыми изгородями вдоль дороги, покрытые патиной медные бляхи и пуговицы, проржавевшие остатки оружия и зазубренные осколки снарядов. У них есть предшественники и в виде останков безымянных солдат, которые и сегодня находят фермеры в пропитанной кровью земле на берегах

¹ *Bullock A. Hitler*. London, 1952. P. 79.

² См.: *Gilbert M. The Holocaust*. London, 1987. P. 17.

Соммы («Я сразу же прекратил работу. Я с большим уважением отношусь к погибшим англичанам...»), — точно так же, как нечетким кадрам с грудями тел в массовых захоронениях в Белжеце в 1945 году предшествовали размытые изображения французских солдат, штабелями складывающих тела погибших товарищей после Второй битвы в Шампани в 1915-м. Первая мировая война впервые запустила машину массового убийства, а Вторая мировая безжалостно довела ее до совершенства.

Есть и официальные памятники. Почти во всех французских и британских городах и деревнях можно найти мемориалы погибшим во Второй мировой войне. Есть такой и в Килмингтоне — там список имен вырезан у подножия надгробного креста, установленного на перекрестке дорог. Сам крест поставили в память о молодых людях, не вернувшихся с фронтов Первой мировой войны, причем их число в два раза превышало число погибших во время Второй мировой. В 1914 году в деревне жили около 200 человек, и не вернувшиеся с фронта У. Грей, А. Лэпхем, У. Ньютон, А. Норрис, С. Пенн, Л. Пенн и У. Дж. Уайт — это примерно четверть мужчин призывного возраста, ушедших на войну. Их имена можно найти в метрических книгах, которые ведутся с XVI века. Эти документальные свидетельства дожили до наших дней. По книгам легко увидеть, что Первая мировая война принесла столько горя, сколько это поселение, основанное англосаксами еще до Нормандского завоевания, никогда не видело раньше, а если точнее, то и позже. Мемориальный крест — единственный, если не считать церкви, памятник в деревне. Такие же кресты есть во всех соседних деревнях и городах графства, а также в епархиальном соборе в Солсбери. Точно такой же крест установлен в каждом французском соборе, и внизу обязательно есть табличка с надписью: «Во славу Господа и в память павшего в мировых войнах миллиона британ-

цев, многие из которых нашли упокоение во французской земле».

Рядом с этими крестами стоят памятники местным жителям — их можно найти во всех соседних населенных пунктах. В Первой мировой войне Франция потеряла почти 2 000 000 человек. Другими словами, двух из девяти призванных в армию... Очень часто в честь павших на постамент ставили статую солдата, *poilu*¹, в мундире французской армии с винтовкой в руке, штык которой указывает на восток, в сторону границы с Германией. Список имен на постаменте прискорбно длинен, а повторяющиеся фамилии свидетельствуют о том, что некоторые семьи теряли не одного, а нескольких человек сразу. Такие списки, вырезанные на камне, можно увидеть в больших и маленьких городах почти всех участвовавших в Первой мировой войне стран. Особенную горечь я испытал перед строгим, выдержанным в классическом стиле памятником кавалерийскому отряду региона Венето рядом с собором на острове Мурано в Венецианской лагуне — бесконечные столбцы с фамилиями молодых людей из долины реки По, павших в суровых нагорьях Юлианских Альп. Подобные чувства я испытывал и в храмах Вены, где строгие каменные плиты увековечивают память полков империи Габсбургов, теперь почти забытых.

У немцев, которые не всегда могут достойно оплакать своих солдат и офицеров, погибших во время Второй мировой войны, из-за того что их армия была скомпрометирована зверствами нацистов, есть трудности, если не материальные, то моральные, в должном символическом выражении собственной скорби по павшим в Первой

¹ «Пуалю» (букв. «волосатый», употреблялось в значении «храбрец», «бравый») — прозвище французских солдат во время Первой мировой войны. — *Прим. ред.*

мировой, поскольку многие из них лежат в чужой земле. На востоке поля сражений были закрыты для них большевистской революцией, а на западе им в лучшем случае позволяли эксгумировать и перезахоронить погибших. В сердцах бельгийцев и французов, а также на их землях не нашлось достаточно места для устройства немецких военных кладбищ. Британцам выделили постоянные места для захоронения, которые в 20-х годах прошлого столетия превратились в череду необыкновенно красивых, утопающих в зелени кладбищ вдоль всей линии Западного фронта, тогда как немцев обязали устроить братские могилы в глухих местах, где покоятся останки их убитых солдат. Только в Восточной Пруссии в легендарном местечке Танненберг им удалось построить мемориал в честь павших. Дома, вдали от тех мест, где погибли молодые солдаты, скорбь по ним увековечивают памятники в соборах, обычно выполненные в строгом готическом стиле и зачастую с использованием сюжетов из «Распятия» Матиаса Грюневальда и «Мертвого Христа в гробу» Ганса Гольбейна Младшего¹.

Христос у Грюневальда и Гольбейна перед смертью страдал, истекая кровью, и рядом с ним не было ни родственника, ни друга. Этот образ очень точно символизировал простых немецких солдат Первой мировой войны. Число павших на поле боя и похороненных в неизвестных местах было так велико, что один священник англиканской церкви, служивший во время войны армейским капелланом, высказал мысль, что наиболее подходящей данью памяти погибшим будет торжественное захоронение останков Неизвестного Солдата, могила которого станет мемориалом. Предложение было принято, останки Неизвестного Солдата привезли в Вестминстерское аббатство и 11 ноября 1920 года захо-

¹ См.: *Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning. Cambridge, 1995. P. 92, 93.*

ронили у входа под плитой с надписью: «Похоронен в усыпальнице королей, ибо заслужил эту честь своей любовью к Господу и отчизне». В тот же день, во вторую годовщину перемирия 1918 года, французский неизвестный солдат был похоронен в Париже под Триумфальной аркой, а впоследствии подобные могилы появились во многих столицах стран-победительниц¹. Однако когда в 1924 году побежденные немцы попытались создать свой мемориал павшим, известие об этом вызвало волну политических протестов. Рейхспрезидент Фридрих Эберт, потерявший на войне двух сыновей, произнес речь в защиту этой инициативы и предложил почтить память павших минутой молчания, однако тишину нарушили выкрики, как милитаристские, так и антивоенные, и за всем этим последовали волнения, не утихавшие целый день². Мучительное наследие проигранной войны продолжало раскалывать Германию — до самого прихода к власти Гитлера девять лет спустя. Вскоре после того, как он стал канцлером Германии, нацисты начали называть Гитлера живым воплощением Неизвестного Солдата, которому Веймарская республика не смогла оказать должные почести. Вскоре после этого и сам фюрер стал в своих речах называть себя неизвестным солдатом мировой войны. Семена, брошенные им в землю Германии, дадут кровавые всходы — во время Второй мировой войны погибнут миллионы немцев³. Ненависть посеять легко, а выпалывается она плохо...

Итак, Первая мировая. К концу 1914 года, через четыре месяца после ее начала, 300 000 французов были убиты

¹ См.: Ward G., Gibson E. *Courage Remembered*. London, 1989. P. 89, 90.

² См.: Whalen R. *Bitter Wounds: German Victims of the Great War, 1914–1939*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1984. P. 33.

³ См.: Ackermann V. *La vision allemande du soldat inconnu // J.-J. Becker et al. Guerres et cultures, 1914–1918*. Paris, 1994. P. 390, 391.

и 600 000 ранены. Мужское население страны в то время составляло 20 000 000 человек, половина из них была призывного возраста. К концу войны погибло почти 2 000 000 французов, в основном служивших в пехоте, которая была главным родом войск и потеряла 22 % списочного состава. Самые тяжелые потери понесли младшие возрастные группы: от 27 до 30 % призывников 1912–1915 годов. Многие из этих молодых людей еще не успели создать семьи... Тем не менее в 1918 году во Франции насчитывалось 630 000 вдов погибших солдат, а огромное число французенок война лишила шанса выйти замуж. В 1921-м на 45 французских мужчин в возрасте от 20 до 39 лет приходилось 55 женщин. Из 5 000 000 раненных на войне несколько сотен тысяч получили тяжелые увечья — лишились рук, ног или зрения. Большие страдания выпали на долю тех, у кого было изувечено лицо; некоторые оказались обезображены настолько, что предпочли жить в специально построенных для инвалидов закрытых поселках¹.

В Германии военное поколение понесло не меньшие потери. Численность возрастных групп 1892–1895 годов рождения, мужчин, которым к моменту начала войны было от 19 до 22 лет, сократилась на 35–37 %. В целом из 16 000 000 человек, родившихся в период с 1870 по 1899-й, погибло 13 %, примерно по 465 600 в каждый год войны. Самые большие потери, как и в других армиях, понес офицерский корпус — 23 % убитых (25 % кадровых офицеров) против 14 % рядовых и младших командиров. Среди немецких инвалидов 44 657 лишились ноги, 20 877 — руки, 1264 — обеих ног и 136 — обеих рук. 2547 человек ослепли — малая доля получивших ранение в голову, кото-

¹ См.: *Thébaud F. La guerre et le deuil chez les femmes françaises // Becker. Guerres. P. 114, 115.*

рое, как правило, оказывалось смертельным. Всего Германия потеряла 2 057 000 человек убитыми или впоследствии умершими от ран¹.

Несмотря на огромные потери — в России и Турции точных данных о них нет, — Германию нельзя назвать самой пострадавшей страной, если рассматривать число погибших в процентном отношении ко всему населению. Такой страной стала Сербия... Из 5 000 000 человек, проживавших в ней до войны, 125 000 были убиты или умерли от ран на фронте, а еще 650 000 гражданских лиц скончались от болезней и вследствие лишений — 15 % населения. В Британии, Франции и Германии потери составили от 2 до 3 %².

Даже эти небольшие доли стали причиной сильнейшей психологической травмы, поскольку пришлось на самую молодую и активную часть мужского населения. По мере того как та война уходит дальше в прошлое, все чаще в разном контексте можно услышать разговоры о том, что «потерянное поколение» — всего лишь миф, созданный романистами. По подсчетам равнодушных демографов, потери могли были быть быстро возмещены естественным приростом населения, а бесстрастные историки утверждают, что утрату близких пришлось пережить лишь небольшой части семей. В худшем случае, заявляют они, не вернулись с фронта только 20 %, а в среднем эта доля была меньше 10 %. Для большинства же война оказалась просто перерывом в нормальной жизни, к которой общество вернулось, как только смолкли пушки.

Это не просто поверхностные суждения. Конечно, по сравнению с войной 1939–1945 годов Первая мировая

¹ См.: *Whalen*. P. 41.

² См.: *Jelavich B. History of the Balkans*, 2. Cambridge, 1985. P. 121.

была не такой уж трагичной и разрушительной. И материального ущерба она нанесла меньше. Не был разрушен и серьезно не пострадал ни один из крупных европейских городов, тогда как во время Второй мировой войны бомбардировкам подвергались все немецкие города. Бои на Восточном и на Западном фронте проходили в сельской местности. Поля сражений скоро снова превратились в посевы пшеницы или пастбища, а разрушенные снарядами деревни — за исключением тех, что находились в окрестностях Вердена, — отстроили заново. Война не обернулась серьезным ущербом культурному наследию Европы, который было бы очень трудно компенсировать: средневековая Палата суконщиков в Ипре сегодня стоит точно так же, как до обстрелов 1914–1918 годов, как и городские площади Арраса и кафедральный собор в Руане, а сокровища Лёвена, сожженные в 1914-м в результате нехарактерного для той войны акта вандализма, потом тщательно и бережно восстановили.

Кроме того, во время Первой мировой войны гражданское население не подвергалось намеренному уничтожению и жестокому обращению, что было характерно для Второй мировой. За исключением Сербии и в самом конце войны Бельгии, жителей не изгоняли из домов, не лишали земли и мирных профессий. Геноциду подверглись лишь армяне в Турции, и, какими бы ужасными ни были действия турецких властей, причиной их стала скорее внутренняя политика Османской империи, чем сама война. Во время Первой мировой, в отличие от Второй мировой войны, не было перемещений населения, намеренно вызванного голода, экспроприаций, почти не происходило массовых репрессий и казней. Война, несмотря на попытки государственных пропагандистских машин доказать обратное и несмотря на ужасы на полях сражений, была до странности цивилизованной.

Тем не менее она нанесла ущерб цивилизации — рациональной и либеральной цивилизации европейского Просвещения, причем невосполнимый, и, как следствие, всей мировой культуре. Довоенная Европа, хотя она и была империей по отношению к большей части остального мира за пределами континента, проявляла уважение к таким принципам, как конституционализм, верховенство закона и представительное правление. В послевоенной Европе положение изменилось. От этих принципов полностью отказались в России после 1917 года, в Италии после 1922-го, в Германии после 1933-го, в Испании после 1936-го, и их лишь частично придерживались в молодых государствах Центральной и Южной Европы, созданных или увеличивших свою территорию в результате послевоенного пересмотра границ. Через 15 лет после окончания войны почти везде поднял голову тоталитаризм — новый термин для системы, которая отвергала либерализм и конституционализм, вдохновлявшие европейских политиков с начала упадка монархий на рубеже XVIII–XIX веков. Тоталитаризм — это политическое продолжение войны, но другими методами. Он объединял и милитаризировал массы своих граждан, одновременно ограничивая их электоральные права, возбуждая низменные политические инстинкты, маргинализируя и запугивая внутреннюю оппозицию. Меньше чем через 20 лет после того, как смолкли орудия Первой мировой войны — войны, которая должна была покончить с военными конфликтами, как характеризовали ее те, кто почти утратил надежду на ее окончание, Европа снова была объята страхом новой кровавой бойни, провоцируемой амбициями и действиями новых воинственных политиков, гораздо более агрессивных, чем те, кто был рожден долгим мирным периодом XIX столетия. Кроме того, полным ходом шло переоснащение армий тем оружием — танками, самолетами, подводными лодками, —

которое во время Первой мировой существовало лишь в зачаточном состоянии и теперь угрожало превратить следующую войну в катастрофу еще большего масштаба.

Таким образом, Вторая мировая война, начавшаяся в 1939-м, вне всяких сомнений, была результатом войны 1914–1918 годов и в значительной степени ее продолжением. Обстоятельства Великой войны, как называли Первую мировую до середины 50-х годов XX века, — неудовлетворенность немецкоязычных стран своим положением среди других государств континента — остались теми же, как и ее непосредственные причины. Это конфликт немецкоязычного правителя со славянским соседом. Даже люди остались те же, хотя и занимали теперь другие должности. Морис Гюстав Гамелен, главнокомандующий французской армией в 1939-м, служил в штабе Жозефа Фоша, командующего союзными войсками во время Первой мировой. Уинстон Черчилль, в 1939-м — первый лорд Адмиралтейства, занимал этот же пост в 1914 году. Адольф Гитлер, «первый солдат Третьего рейха», в августе 1914-го был в числе первых же добровольцев кайзера Вильгельма II. Не изменилась и география сражений. Берега реки Мёз (Маас) были ареной боев в обеих войнах, но в мае 1940-го немецкие дивизии форсировали ее с удивительной легкостью, а в 1914–1918 годах в окрестностях Вердена она стала для них непреодолимой преградой. Аррас, бывший для Британского экспедиционного корпуса центром окопной войны на Западном фронте, оказался местом единственного успешного контрнаступления британской армии в 1940-м. Небольшая речка Бзура к западу от Варшавы стала очень важным рубежом для операций на Восточном фронте как в 1939 году, так и в 1915-м. Многие из тех, кто ушел на фронт в 1939-м, маршировали в походном строю в 1914-м — более молодые и еще не выслужившие чинов, уверенные, что с победой вернутся домой до листопада.

Однако те, кому посчастливилось остаться в живых, видели и разницу. В 1939 году все жили в ожидании войны, а ее угроза была реальной. В 1914-м, наоборот, война разразилась совершенно неожиданно, и люди, выросшие в уверенности, что кровопролитие больше никогда не затронет их континент, не были к ней готовы.

Европейская гармония

Летом 1914 года процветающая Европа наслаждалась миром и покоем. И то и другое до такой степени зависело от международных связей и сотрудничества, что возможность войны на континенте никому просто не приходила в голову. В 1910-м в свет вышла книга «Великая иллюзия» и сразу стала чрезвычайно популярной. Ее автор Норман Энджелл, будущий лауреат Нобелевской премии мира (1933), проанализировав экономическую взаимозависимость государств, к удовлетворению почти всех образованных людей, показал, что война неизбежно приведет к разрушению системы международных займов, вследствие чего она либо вообще не начнется, либо быстро закончится. Европейские промышленники и коммерсанты отнеслись к этому выводу благосклонно. После 20-летней депрессии, вызванной крахом Национального банка Австрии в 1873 году и поддерживаемой падением цен как на сырье, так и практически на все товары, в последние годы XIX века промышленное производство снова начало расти. Появились особые категории товаров — электротехника, химические красители, средства передвижения с двигателем внутреннего сгорания, привлекавшие покупателей. Были найдены источники сырья с низкой стоимостью добычи. Систему кредитования также поддерживали новые месторождения драгоценных металлов, прежде всего в Южной Африке. Рост чис-

ленности населения — за период с 1880 по 1910 год на 35 % в Австро-Венгрии, на 43 % в Германии, на 26 % в Британии, более чем на 50 % в России — резко расширил международные рынки. Эмиграция (из Европы в Америку и Австралию с 1880 по 1910 год уехало 26 000 000 человек) также привела к росту спроса на товары, а значительное расширение заморских владений империй, как официальных, так и неофициальных, в Африке и Азии вывело миллионы жителей этих территорий на международный рынок — они являлись и поставщиками сырья, и потребителями готовых изделий. Вторая революция на транспорте — в 1893 году общий тоннаж пароходов впервые превысил тоннаж парусных судов — значительно ускорила и расширила межконтинентальную торговлю, а рост сети железных дорог в Восточной Европе и Российской империи (в Западной Европе и Соединенных Штатах он практически закончился к 1870 году), где с 1893 по 1913-й их общая длина увеличилась с 31 000 до 71 000 километров, включил в мировую экономику огромный регион, богатый зерном, полезными ископаемыми, нефтью и лесом. Стоит ли удивляться, что в начале века банкиры вновь обрели уверенность и в первом десятилетии XX столетия обеспеченный золотом капитал свободно перемещался, в основном из Европы в Америку и Азию, в объемах до 350 000 000 фунтов в год, а доход от зарубежных инвестиций стал составлять существенную долю дохода частных лиц и компаний в Британии, Франции, Германии, Голландии и Бельгии? Экономика Бельгии, одной из самых маленьких стран Европы, в 1914 году была шестой в мире, и это стало результатом не только ранней индустриализации, но и беспрецедентной активности ее банков, торговых домов и промышленных предприятий.

Российские железные дороги, золотые рудники и алмазные копи Южной Африки, африканские и малазийские плантации гевеи — основного источника натурального

каучука, скотоводство Южной Америки и Австралии, канадские поля пшеницы и практически все сектора экономики Соединенных Штатов, которая в 1913 году производила треть мировой промышленной продукции и уже вышла на первое место в мире, — все это требовало европейских капиталовложений. И Старый Свет не скупился на инвестиции. Большая их часть проходила через лондонский Сити. Несмотря на то что золотовалютные резервы Банка Англии были невелики — в 1890 году они составляли всего 24 000 000 фунтов (у Банка Франции их было 95 000 000, у Рейхсбанка 40 000 000, у Федерального резерва США 142 000 000), обширные связи частных банков и учетных домов — кредитных учреждений, занимающихся учетом векселей, выдачей краткосрочных кредитов, посредническими операциями между коммерческими банками и Центральным банком, страховых и транспортных компаний, а также деятельность валютных и товарных бирж тем не менее сделали английских банкиров главными посредниками при совершении сделок купли-продажи и кредитования для всех развитых стран. Их влияние питало уверенность, столь убедительно выраженную Энджеллом, что любое нарушение непрерывного, ежедневного уравнивания дебета и кредита непременно разрушит не только доверие к монетарному механизму, на который полагается цивилизация, но и саму эту цивилизацию.

17 января 1912 года в своем выступлении перед банкирами с докладом «Влияние банковской деятельности на международные отношения» Энджелл утверждал: «Коммерческая зависимость в банковском деле проявляется сильнее, чем в любой другой профессии или сфере деятельности. Дело в том, что доход и кредитоспособность одного связаны с доходом и кредитоспособностью многих. Необходимо уверенность в неукоснительном соблюдении взаимных обязательств, в противном случае начнут рушиться

целые секции всего сооружения, и это со всей определенностью демонстрирует, что нравственность строится не на самопожертвовании, а на осознанной взаимной выгоде, на ясном и полном понимании всех тех нитей, которые связывают нас всех. И такое ясное понимание должно улучшить отношения не только между группами, но и между всеми людьми, привести к более эффективному сотрудничеству и более справедливому обществу»¹.

У. Р. Лоусон, бывший редактор *Financial Times*, после окончаний этой речи заметил: «Совершенно очевидно, что мистер Норман Энджелл завоевал симпатии почти всего собрания».

В первые годы XX века не только банкиры (кстати, многие из самых известных лондонских банкиров были немцами) считали взаимозависимость государств условием международных отношений — необходимым условием, значение которого должно было только расти. И понимали это не одни лишь банкиры. В основе данного понимания лежали практические соображения. Революция в средствах связи (железные дороги, телеграф и почтовая служба) требовала международного сотрудничества, чтобы обслуживать новые технологии и чиновничество индустрии путешествий и связи. В 1865 году был основан Международный телеграфный союз, а в 1875-м — Международный почтовый союз. В 1882 году прошла Международная конференция по технической унификации на железных дорогах — слишком поздно для стандартизации железнодорожной колеи в Западной и Восточной Европе, ведь в России уже проложили более широкую колею, что затруднило использование ее железных дорог захватчиками в 1914 году (и в 1941-м, конечно), но в мирное время просто мешало коммерче-

¹ Brock M. // Evans R. and von Strandmann H. *The Coming of the First World War*. Oxford, 1988. P. 169.